

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.1.174

НАЧАЛО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА В ОЦЕНКЕ Н.И. КАРЕЕВА

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Цель статьи – проследить, как российский историк-позитивист рубежа XIX–XX веков, разработчик научной философии истории, теоретик социологии Н.И. Кареев в числе первых исследователей критически взглянул на европоцентристскую модель видения всеобщей истории. Выявлено, как Кареев держал в уме мысль о ценности каждой культуры и как данное обстоятельство отразилось на его конструкции всеобщей истории. Рассмотрены, по текстам Кареева, три главные формы культурного взаимодействия в истории Древнего Востока – торговля, колонизация и война. Сделан вывод о том, что, в рефлексии Кареева, регулярный межкультурный диалог берет свое начало во времена завоеваний Александра Македонского и эллинистических государств, усиливается в Римской империи, меняя постепенно вектор направленности с дихотомии «Восток – Запад» на «Запад – Восток».

Ключевые слова: Н.И. Кареев, культура, история, дихотомия «Восток – Запад», «Запад – Восток», культурное взаимодействие.

Российский историк-позитивист, разработчик научной философии истории, теоретик социологии Николай Иванович Кареев (1850–1931) одним из первых исследователей критически взглянул на европоцентристскую модель видения всеобщей истории. Будучи автором курса по всеобщей истории Санкт-Петербургского университета, он последовательно изучал и преподавал студентам историю Древнего Востока, греко-римского мира, падения Римской империи и формирования на ее территории государств-преемников, а также историю исламских государств и стран других континентов – Северной и Южной Америки, Африки, Индии, Китая. Разрабатывая курс всеобщей истории и проговаривая его перед самыми разными аудиториями, Кареев постепенно проникался осознанием ценности каждой культуры. К нему пришло понимание того, что всю сложность и многообразие современного мира уже нельзя объяснить исключительно в категориях европейской науки, согласно которым Европа – центрирующий фактор развития всех цивилизаций [6, с. 48]. В своих зрелых сочинениях Кареев доказательно аргументировал суждение о том, что каждая культура по-своему, т. е. в свое время, в своем природно-географическом пространстве и в своем ритме жизни участвовала в плетении исторического полотна человечества.

Предыстория культурного взаимодействия Запада и Востока интересовала и продолжает держать в фокусе внимания разных исследователей. С середины XIX столетия в среде европейских историков, литерато-

ров, публицистов началось плотное обсуждение динамики картины Древнего Востока и роли греко-римского мира в диалоге с восточными цивилизациями. В работах Э. Гиббона, О. Тьерри, Ф. Гизо и других авторов дискуссии о «падении Рима» шли вокруг трех тем: внутренняя слабость Римской империи в IV–VI веках; ее внешняя подверженность разрушениям со стороны пришельцев; усиление церкви [2]. Русский историк-медиевист Т.Н. Грановский озвучил новый для своего времени тезис о том, что всеобщая история сама по себе является «объединительным звеном» диалога культур [8, с. 17]. В XX в. в дискуссию о начале культурного взаимодействия Востока и Запада вплелась еще одна тема – воздействие климатического фактора на создание древних государств и государств-преемников Римской империи [1]. Сегодня под влиянием компаративистской методологии и совсем новой интеркультурной философии появляются работы, в центре внимания которых находится непосредственно сам механизм изначального диалога мировых культур [7; 9].

Может показаться, что вступление, сделанное автором статьи, скорее похоже на утвердительные суждения, более приемлемые для выводов. Отчасти это именно так. Цель статьи – проследить, как зрелый Кареев держал в уме мысль о ценности каждой культуры и как данное обстоятельство отразилось на его конструкции всеобщей истории, когда именно, на его взгляд, возник диалог восточной и западной культур и в каких главных формах он выразился.

В работе «Монархии Древнего Востока и греко-римского мира: очерк политической, экономической и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий» (СПб., 1904) Кареев обращается к предыстории культурного взаимодействия Востока и Запада. По собственному признанию, он поставил перед собой две задачи: проследить преемственность всемирных монархий, которые постепенно, из века в век объединяли древний мир, а также выявить начальные формы культурного взаимодействия восточных цивилизаций, греко-римского мира и государств-преемников Римской империи [4, с. 373]. Кареев держался общепризнанной для его времени схемы построения истории Древнего мира, но сделал два отступления от общих правил. Первое – история Александра Македонского и эллинских государств, возникших после его смерти, рассмотрена не как продолжение греческой культуры, а как результат культурного взаимодействия друг на друга греков и персов; 2) Римская империя представлена не только как преемница Греции, но и как продолжатель политических традиций Ассирии, Персии и эллинских царств. В первом отступлении от правил Кареев отстаивает тезис о том, что держава Александра Македонского представляла собой симбиоз восточной деспотии и греческих полисов; во втором – в Римской империи переплетались восточные принципы построения эллинских государств и республиканские формы правления [4, с. 374]. Нельзя сказать, что по нынешним меркам эта позиция непротиворечива, но и трудно не согласится с тем, что Кареев

изучил большое количество источников и исторических исследований, как историк-позитивист тщательно аргументировал свою позицию.

Понятие «культурное взаимодействие», используемое Кареевым, уже артикулировалось историками и философами. Однако многие рассматривали его как фигуру речи, связанную с проблемой прогресса. Например, Ф. Гизо считал, что культурное взаимодействие – это прогрессивное усовершенствование внутренних общественных или внешних соседских отношений. Этот же автор принимал во внимание факт того, что диалог между народами может нести не только прогрессивные, но и вредные начала, т. е. войну тоже следует считать цивилизационным взаимодействием двух и нескольких стран [2, с. 25]. Мысль Кареева идет в схожем русле. Однако он фокусирует внимание на двух главных формах, в которых протекает деятельность людей: хозяйственной и духовной. Поэтому и употребляет в текстах два словосочетания: взаимодействие экономическое – торговля, ремесла, земледелие, и взаимодействие культурное – переплетение политических, языковых, религиозных и других форм жизни народов [3, с. 424–426].

На «древней сцене», по образному выражению самого Кареева, культурное взаимодействие народов осуществлялось в разных формах, главными из которых были торговля, колонизация и война, породившие политический, языковой и религиозный синкретизм. Зафиксировав это суждение, рассмотрим каждую форму культурного взаимодействия в отдельности, двигаясь по текстам всеобщей истории Кареева.

Торговые сношения Кареев называет первым и главным фактором культурного взаимодействия. Он критически оценивает точку зрения в среде ученых, согласно которой торговля представлялась как результат осознания выгоды делиться излишками продуктов собственного производства. Торговля, в рассуждениях Кареева, – более древнее занятие, свойственное людям, не способным еще идентифицировать себя как устойчивое сообщество или тем более народность. Истоки торговых сношений следует искать в жизни древних сухопутных кочевников и морских разбойников, которые воевали, грабили и торговали одновременно. К занятию торговлей обращались те, кто еще не обрел оседлый образ жизни, или те, кто не мог заниматься земледелием из-за тесноты пространства или скудости почвы. «Участие кочевников в караванной торговле Востока доказывает первое, финикийская и греческая торговля – второе», – читаем у Кареева [4, с. 47].

Наиболее ярко торговля как форма культурного взаимодействия проявилась в истории финикийцев и греков. Кареев приводит очень интересный рассказ Геродота о торговле финикийцев с ливийскими племенами, где уже отчетливо видны правила обмена товарами. Первый шаг – карфагеняне выкладывают товар на морском берегу, удаляются на свой корабль и разводят огонь, второй шаг – туземцы, увидев дым как сигнал, выходят на побережье и выкладывают рядом с товаром золотые слитки и уходят; третий шаг – мореходы забирают золото и отплывают; четвертый шаг (в виде исключения) – если торговцам кажется, что за товар заплатили мало,

они снова уходят на корабль и ждут, когда вторая сторона добавит цену. Завершая свой рассказ, «отец истории» говорит, что «никогда одна сторона не обижает другой: карфагеняне никогда не прикасаются к золоту, прежде чем по стоимости оно не равняется товару; равным образом туземцы уносят с собою товары только тогда, когда золото взято карфагенянами» [4, с. 50].

Подобные приемы торговли наблюдались и в других частях света. Для примера Кареев приводит выдержки из других нарративных источников, в частности, о схожей процедуре обмена между чукчами и чубуками. Справедливости ради, чтобы не сложилась идеализированная картинка обмена, Кареев рассказывает и о грабежах, и о торговле рабами, например, у тех же финикийцев.

Особый интерес у Кареева вызывает торговля как форма культурного взаимодействия крупных монархий древности. Царь Навуходоносор оценивается им как правитель, мечтавший не столько о покорении мира, сколько об укреплении пределов границ, доставшихся ему после дележа ассирийских земель между Вавилоном и Мидией. Именно с этой целью он приказал прорыть четыре канала между реками Тигр и Евфрат для прохода торговых судов, при нем была создана уникальная по тем временам система водоснабжения с искусственным водоемом и был основан торговый порт в устье Евфрата [4, с. 80–81]. Кареев даже берет на себя смелость типологизировать древние монархии по ключевым занятиям правителей – торговле или войне. Благодаря первому критерию складывается «промышленный» тип государства, второму – «военный», но чаще всего встречается смешанный тип государственного устройства с преобладанием торговых или военных занятий правителя и его населения.

Торговля как форма культурного взаимодействия нередко опережала насильственные шаги правителей-завоевателей. Кареев приводит пример из истории финикийцев, говоря о том, что купцы часто заходили в те места, «которые долго еще оставались вне всякого политического влияния великих завоевательных царств» [4, с. 52]. По его расчетам, территория, на которой велась финикийская торговля, была намного больше персидского царства и даже римской империи в период ее наивысшего расцвета. Финикийцев Кареев прямо именуется «торговыми посредниками», которые стягивали отдаленные друг от друга страны воедино, формируя тем самым общее культурное пространство древнего мира. И именно финикийцы стали первым мостиком между Востоком и Западом, распространив свои торговые сношения с народами, жившими по берегам Средиземного моря, на островах Эгейского моря, на Балканском полуострове, на острове Сицилия, на итальянском и отчасти испанском побережье. Более того, именно Пунические войны стали стимулом для запуска механизма постоянного культурного диалога восточных и западных стран сначала в лице Римской империи, а потом государств, ставших ее преемниками.

Греков Кареев именуется «учениками» финикийских купцов-мореходов. Заимствуя культурные образцы древних цивилизаций (азбуку, произведения

ремесла и искусства, вычислительные навыки, астрономические знания и многое другое), греческие путешественники-торговцы-философы стали разносить повсюду эти культурные формы. Пребывая в состоянии постоянного политического соперничества, греческие города-полисы вели друг с другом разорительные войны, подрывали тем самым торговлю, ремесло [«промышленность», выражается Кареев современным ему словом. – *Е.М.*] и земледелие. В этом процессе историк усматривает сразу два разных следствия. Первое следствие выглядит положительно: войны рано или поздно прекращались, наступающее «замирение» враждующих способствовало тому, что торговля начинала приобретать международный характер, следовательно, «укреплялось, усиливалось и расширялось культурное взаимодействие». Второе следствие несет отрицательную коннотацию: в результате войн и новых политических объединений торговые центры смещались, старые утрачивали свою ценность, их население чувствовало себя ущемленным и нередко покидало бывшие цветущие места [4, с. 9].

Другая форма культурного взаимодействия – колонизация – прописана в текстах Кареева по всеобщей истории в тесной связке и с торговлей, и с войной. Справедливо отмечая, что развитие торговли особенно способствовало экономическому, культурному и политическому процветанию многих государств-городов греческого мира, Кареев говорит о противоречивости этого процесса. В самом разном качестве – купцов, колонистов, путешественников, пиратов, наемников – греки устремлялись в страны, которые потом вошли в состав Персии. Таким образом, ко времени военных походов Александра Македонского на этих землях уже осело большое число греческих поселенцев. Говоря о причинах греческой миграции, Кареев выделяет три главных: перенаселение коренной Греции, падение заработков внутри страны и усиливающаяся практика политического изгнания [4, с. 181].

В итоге сложилась интересная историческая ситуация, которая «открывала перед греками широко двери на весь восток» [4, с. 130]. Греки-колонисты, осевшие ранее на персидской земле, по сути, подготавливали почву для довольно успешной «инфильтрации», по выражению Кареева, эллинского элемента в восточную культуру, т. е. способствовали процессу культурной интеграции с азиатскими и африканскими народами.

Что касается политического аспекта, то колонизация, на взгляд Кареева, ярко проявилась в период, когда Римская держава овладевала эллинистическими центрами Передней Азии и Египта. Многие территории не сразу становились римскими провинциями, пребывая для начала в форме «политического клиентства». Такая система не была нововведением римлян. Она издавна сложилась на Востоке. Так называемая инкорпорация завоеванных областей осуществлялась путем установления протекторатных отношений с лояльными вассалу правителями присоединенных территорий [4, с. 348]. Во многом благодаря именно такой системе политического паритета на широкой арене восточного мира устойчивые и крупные государства становились «всемирными или универсальными» монархиями.

Войну Кареев также рассматривает как специфическую форму культурного взаимодействия. В этом вопросе он солидаризируется с Гизо, который в числе первых исследователей заговорил о том, что войны – это не только разрушение и насилие, но это и важное политическое, церковное, философское и даже литературное событие [в двух последних случаях подразумевается процесс осмысления и описания войн. – *Е.М.*]. Гизо считает, что итогом войны могут стать самые разные результаты: воцарение нового правителя, торжество прежней власти, свобода выбора жителей страны, кризисный период раздоров власти с народом, образование новых государств, появление системной оппозиции, наконец, революция политическая или религиозная [2, с. 268, 273–274].

Принимая во внимание все возможные в перечислении Гизо результаты войны, Кареев выводит главный, на его взгляд. Он говорит, что, в отличие от торговли и колонизации, война способствует быстрому процессу «смещения народов». В текстах историка читаем: «Результатом развития торговых сношений и завоевательной политики египетских и ассирийских царей было то, что можно назвать смещением народов и взаимодействием культур» [4, с. 94]. Употребляя термины «смещение», «перепутывание», «перетасовка» народов, Кареев считает, что более всего в этих процессах преуспела Ассирия, которая сумела объединить в одно целое массу земель и народов. В ход шли самые разные способы культурного переплетения – насильственный захват, увод пленных, военное наемничество, создание торгово-промышленных колоний на вновь приобретенных землях, принудительное переселение народов и т. д.

Палитра войн в картине древней истории, нарисованной Кареевым, впечатляет своей общей панорамой. Благодаря взгляду «сверху» можно увидеть главных действующих лиц на исторической сцене Древнего мира – Египет, Ассирию-Вавилонию, Сирию, Персию, державу Александра Македонского, эллинистические царства, образовавшиеся после смерти правителя, наконец, Римскую империю. Образование таких монархий «могущественно содействовало процессу экономического и культурного сближения стран Востока», резюмирует Кареев [4, с. 373].

Вслед за процессом культурной интеграции самого Востока Кареев фокусирует внимание на том времени, когда начинается его непосредственный политический диалог с Западом. «С высоты птичьего полета», по образному выражению Кареева, процесс расширения «древней сцены» выглядит следующим образом: в центре находятся Египет и Ассирия-Вавилония, между ними – Сирия, после падения Ассирии с востока прирастает Иран, с запада – Малая Азия и Балканский полуостров. Ассирию сменяют персы, персов – греки, греков – римляне. Таков ход культурно-политической преемственности, по Карееву.

Период второй Пунической войны (218 г. до н. э. – 201 г. до н. э.) историк прямо называет временем первых совместных политических шагов Востока и Запада: «Именно в эпоху второй Пунической войны впервые полити-

ческие дела Востока стали переплетаться с делами Запада...» [4, с. 375]. Как можно сегодня отреагировать на эту точку зрения? Каково аргументированное прочтение источников? Первый аргумент Кареева связан с пестрым составом участников войны: помимо римлян и карфагенян, это жители ряда италийских городов, нумидийцы, лигуры, иберы, галлы, балсары, мавры, ливийцы, македоняне и т. д. Второй аргумент касается разнообразных форм военного взаимодействия, это – прямые битвы, осада городов, переманивание/обучение/поощрение союзников, привлечение на службу рабов, попытки перемирий, неожиданная смена локаций и т. д. Третьим аргументом служит сам итог войны – Рим стал главенствовать в Западном Средиземноморье.

Трудно не согласиться с выводами Кареева о важности Пунических войн, о том, что их результат стал переломным моментом, поскольку изменился вектор направленности культурного взаимодействия с дихотомии «Восток – Запад» на «Запад – Восток». Сначала Восток был главным действующим лицом на древней сцене истории, но с момента завершения Пунических войн Запад подхватил «разговор» и стал направлять его по своему усмотрению и возможностям. Такую ситуацию обрисовывает и историк В.О. Ключевский. В преддверии русско-японской войны в свойственной ему иронично-образной манере он выскажется так: «Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает Азию. Повторит ли Азия ту же самую операцию над Европой [5, с. 349]. В итоге, принимая во внимание кареевское мастерство владения источниками с акцентом на причинно-следственные связи, все же отметим, что истоки культурного диалога следует искать глубже, по крайней мере, во временах завоеваний Александра Македонского.

Особенность вписывания греко-римского мира в традиции «древней исторической сцены» Кареев усматривает в симбиозе двух способов государственного правления, отчетливо проявившихся в Римской империи: с одной стороны, это «республиканский тип городов-государств и междугородских федераций», с другой – деспотия как «личная безответственная власть» [4, с. 375]. На стороне одной формы правления – греческая полиция как союз свободных граждан, общественное самоуправление; на другой стороне – деспотия, бюрократия, отсутствие гарантий личности. Таким образом, в начале диалога Востока и Запада «восточное государство-божество одержало верх над государством как союзом свободных граждан», – итожит Кареев результаты политического взаимодействия культур Востока и Запада [4, с. 380].

Список литературы

1. Вуд И. Споры о падении Рима: от «старого порядка» до создания «поздней Античности» // *Vox Medii Aevi*. 2019. № 1 (4). С. 175–202.
2. Гизо Ф. История цивилизации в Европе / пер. с франц. М.: ИД «Территория будущего», 2007. 336 с.

3. Кареев Н.И. Историка. Теория исторического знания // Кареев Н.И. Избранные труды / сост., автор вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. 600 с.
4. Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. Очерк политической, экономической и культурной эволюции Древнего мира под господством универсальных монархий. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 395 с.
5. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. Т. 9. 525 с.
6. Михайлова Е.Е. Дискурсивная полилогичность трудов Н.И. Кареева // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2021. № 2 (10). С. 43–50.
7. Пиков Г.Г. Концептуальное освещение Н.И. Кареевым взаимоотношений Европы и мусульманского Востока в Средние века в контексте его общесоциальных взглядов // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания [Электронный вариант]: сб. ст. и сообщений / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казанского университета, 2021. 412 с. С. 188–197.
8. Репина Л.П. Концепция «единого человечества» и «общего прошлого» в интеллектуальном наследии русской исторической школы // Запад – Восток. 2019. № 2. С. 13–28.
9. Соболева Н.А. Н.И. Кареев об истоках культурного диалога Запада и Востока // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах. 10-й ежегод. сб. научн. трудов препод., асп., маг., студ. ФУСК ТвГТУ, приуроченный к 100-летию вуза: в 2 ч. Тверь: Изд-во ТГТУ, 2022. С. 52–60.

THE BEGINNING OF CULTURAL INTERACTION OF THE EAST AND WEST IN THE ASSESSMENT OF N.I. KAREEV

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The purpose of the article is to trace how the Russian positivist historian of the turn of the XIX–XX centuries, the developer of the scientific philosophy of history, the theorist of sociology N.I. Kareev, among the first researchers, critically looked at the Eurocentric model of the vision of universal history. It is revealed how Kareev kept in mind the idea of the value of each culture and how this circumstance affected his construction of universal history. According to Kareev's texts, three main forms of cultural interaction in the history of the Ancient East are considered – trade, colonization and war. It is concluded that, in Kareev's reflection, regular intercultural dialogue originates during the conquests of Alexander the Great and the Hellenistic states, intensifies in the Roman Empire, gradually changing the vector of orientation: from the dichotomy «East – West» to «West – East».

Keywords: *N.I. Kareev, culture, history, East-West dichotomy, cultural interaction.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии, истории и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.01.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 17.02.2023.